

Классика и современная русская литература / Classic and Modern Russian Literature

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-584](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-584)EDN: [LEKPNE](https://edn.ru/LEKPNE)

УДК 821.161.1.0

Деконструкция традиционных дискурсов в прозе В. Сорокина

Е.А. Черемина

*Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии,
Астрахань, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена исследованию механизмов деконструкции традиционных дискурсов в прозе Владимира Сорокина. В фокусе внимания находятся роман «Теллурия», рассказ «Настя» и ряд других малых прозаических форм.

Цель. Выявить, что деструкция классических нарративов (от соцреалистического канона до классической русской прозы XIX в.) осуществляется через остранение языка, разрушение привычных бинарных оппозиций и карнализацию.

Материалы и методы. На основе комплекса методологических подходов, включающего лингвистический, семиотический, структуральный, постструктуральный методы и элементы иконологического анализа, рассматривается специфика авторской работы с устоявшимися смысловыми конструкциями.

Результаты. В результате проделанной работы в статье можно сделать вывод, что тексты В. Сорокина обнажают условность дискурсивных практик, их связь с механизмами власти и насилия, а также создают новые смысловые конфигурации на месте разрушенных стереотипов.

Ключевые слова: эстетика постмодернизма; теория литературы; дискурс; деконструкция; Владимир Сорокин; «Теллурия»; «Настя»; семиотика; карнализация; интертекстуальность

Для цитирования. Черемина, Е. А. (2026). Деконструкция традиционных дискурсов в прозе В. Сорокина. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 158–170. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-584>

Deconstruction of traditional discourses in Vladimir Sorokin's prose

E.A. Cheremina

*Astrakhan Branch of the Saratov State Law Academy,
Astrakhan, Russian Federation*

Abstract

Background. The article is devoted to the study of the mechanisms of deconstruction of traditional discourses in Vladimir Sorokin's prose. The focus is on the novel *Telluria*, the short story *Nastya* and other short prose forms.

Purpose. To reveal that the destruction of classical narratives (from the socialist-realist canon to the classical Russian prose of the 19th century) is carried out through the strangeness of language, the destruction of conventional binary oppositions, and carnalization.

Materials and methods. The article examines the specifics of the author's work with established semantic constructs based on a complex of methodological approaches, including linguistic, semiotic, structural, and poststructural methods, as well as elements of iconological analysis.

Results. It can be concluded that Sorokin's texts expose the conventionality of discursive practices, their connection with the mechanisms of power and violence, and create new semantic configurations in place of destroyed stereotypes.

Keywords: aesthetics of postmodernism; theory of literature; discourse; deconstruction; Vladimir Sorokin; *Telluria*; *Nastya*; semiotics; carnalization; intertextuality

For citation. Cheremina, E. A. (2026). Deconstruction of traditional discourses in Vladimir Sorokin's prose. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 158–170. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-584>

Введение

Актуальность статьи состоит в выявлении деструкции классических нарративов и систематизации художественных приемов в прозе В.Сорокина.

Цель исследования – изучение специфики и механизмов деконструкции традиционных (литературных, идеологических, культурных) дискурсов в текстах В. Сорокина на материале романа «Теллурия», рассказа «Настя» и избранных малых прозаических произведений. Проблема заключается в выявлении и систематиза-

ции художественных приемов, с помощью которых В. Сорокин осуществляет критику и разрушение устоявшихся дискурсивных практик, а также в определении позитивного содержания, возникающего в результате этой деструктивной работы. Остается открытым вопрос о том, является ли сорокинская деконструкция тотальным нигилизмом, или же она несет в себе созидательный потенциал, обнажая онтологическую пустоту симулированных реальностей.

Творчество В. Сорокина занимает особое место в истории современной русской литературы, являясь наиболее радикальным выражением эстетики постмодернизма. В своих произведениях писатель последовательно реализует проект тотальной критики культурных оснований, подвергая сомнению саму возможность существования истины, идентичности и авторитетного слова. Центральным инструментом этой критики выступает деконструкция – стратегия, направленная на выявление внутренней противоречивости любых метафизических понятий и дискурсивных систем. Объектом деконструкции у Сорокина становятся не отдельные идеологемы, а целые пласты культурного наследия: классическая русская литература, соцреалистический канон, фольклор, исторический нарратив и даже язык как таковой. Постсоветский дискурс в его литературном бытовании обретает у Сорокина аутопоэтический потенциал, обращая советский дискурс в объект постмодернистского эстетического преобразования. В первую очередь эстетическому преобразованию подвергается повествовательное «прямоговорение» советского дискурса, на место которого приходят коммуникативные события иронического и пародийного рассказывания, гротескные образы и сюрреалистические фабулы.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на комплексную методологию. Лингвистический метод позволяет проанализировать языковые аномалии и игру с разными стилистическими регистрами. Семиотический метод дает возможность рассматривать тексты как знаковые системы, где знаки вступают в сложные отношения друг с другом и

с культурным контекстом. Структуральный и постструктуральный методы (в частности, концепция деконструкции Ж. Деррида, идеи Р. Барта о «смерти автора» и М. Фуко о дискурсивных практиках) служат инструментами для анализа того, как Сорокин расшатывает бинарные оппозиции, подрывает логоцентризм и обнажает властную природу дискурса. Элементы иконологического анализа, разработанного А. Варбургом и Э. Панофским, применяются для интерпретации устойчивых визуальных и символических мотивов (телесность, еда, насилие), раскрывая их глубинный культурный и архетипический смысл.

Основная часть

Художественный мир В. Сорокина строится на принципе деконструкции как важнейшего приема организации текста. Деконструкция пронизывает все уровни произведения: от сюжетно-композиционного до лексико-семантического. При этом важно понимать, что разрушение у Сорокина никогда не является самоцелью. Оно служит инструментом обнажения скрытых механизмов функционирования культуры, которая, по мысли писателя, давно превратилась в набор мертвых ритуалов и симулякров. Классичность, понимаемая как совокупность устойчивых, канонизированных форм, подвергается в прозе Сорокина последовательной критике, доходящей до полного уничтожения не только в аспекте представления в диегезисе, но и в дискурсном плане, в аспекте распада самого языка.

Как отмечает Ф.Б. Бешукова, роман «Теллурия» представляет собой сложноорганизованное полифоническое полотно, состоящее из пятидесяти новелл, действие которых разворачивается в альтернативной Европе будущего после крушения Российской империи. Сама структура романа уже несет в себе деконструирующий заряд: она отрицает классическую романную форму с ее единым сюжетом и линейным временем. Фрагментарность, мозаичность, отсутствие сквозного героя становятся способом изображения распавшейся реальности. Здесь находит свое воплощение постструктуралистская идея о принципиальной фрагментарности любого текста и

невозможности тотального знания. Сорокин создает мир, где сосуществуют различные, часто взаимоисключающие дискурсы: средневековый религиозный дискурс, дискурс новой рыцарственности, технократический дискурс, язык советского прошлого и жаргонные практики. В «Теллурии» одной из главных мишеней деконструкции становится исторический дискурс. Писатель создает множественную историю, где Россия распалась на множество удельных княжеств, где действуют партизаны, сектанты, западные корпорации. Эта историческая фантазия не имеет отношения к реальному прошлому, она представляет собой ироническую игру с памятью и идентичностью. Сорокин показывает, что история – это не объективная данность, а текст, который можно переписывать и интерпретировать бесконечно. В этой связи можно говорить о реализации концепции «смерти автора» применительно к историческому процессу: история утрачивает единого автора-Творца и превращается в поле борьбы множества нарративов.

Ключевым элементом поэтики «Теллурии» является мотив тела и телесности. Теллурий – это гвоздь с теллуровой начинкой, который вбивают в череп для получения невысказанных удовольствий. Сцена со вбиванием теллурических гвоздей становится центральной метафорой романа. С одной стороны, она отсылает к религиозной символике (гвозди Распятия), с другой стороны – к традиции русского авангарда, стремившегося к трансформации телесности. Иконологический анализ позволяет увидеть в этом образе глубокий культурный архетип: гвоздь как медиатор между небом и землей, духом и материей, болью и наслаждением. Однако Сорокин намеренно снижает этот высокий символ, профанирует его, превращая в инструмент получения высшего удовольствия. Тем самым он деконструирует саму идею трансценденции, сводя духовные искания к физиологии. Как показывает исследование О.В.Половинкиной, конфликтогены в романе возникают в точке, когда один субъект лишает другого субъектности и начинает навязывать свою точку зрения. Теллурий становится абсолютным конфликтогеном: он лишает человека его «я», превращая его в объект внешнего воздействия [11, с. 83-89].

Рассказ «Настя», вошедший в сборник «Пир», является одним из самых шокирующих текстов Сорокина. Внешне он имитирует стилистику классической русской прозы XIX в. – тургеневского или толстовского дворянского романа. Именины, гости, разговоры об искусстве, поэзия, первая любовь. Однако этот пасторальный дискурс внезапно взрывается сценой чудовищного насилия: родители и гости буквально съедают именинницу. Здесь механизм деконструкции работает на нескольких уровнях. На уровне лингвистическом происходит столкновение двух несовместимых языков: языка «чистой» литературы XIX в. и языка натуралистического насилия. Изысканные фразы о судьбах России сменяются рецептурой разделки человеческого тела. Эта языковая аномалия производит эффект остранения, заставляя читателя пересмотреть свое отношение к привычным, казалось бы, безобидным знакам.

Центральным поэтическим приемом, обеспечивающим этот переход от дискурса к насилию, выступает у Сорокина особая работа с метафорой. Как убедительно демонстрирует М.Н. Липовецкий, метафора в прозе писателя претерпевает карнализацию (от лат. *carnalis* – «плотский, телесный») – специфический троп, осуществляющий перевод дискурсивных и риторических конструкций на язык телесных жестов и реакций [8, с. 230]. В рассказе «Настя» этот прием реализуется с особой наглядностью: метафора вторгается в тело текста и становится плотью повествования. Привычные речевые обороты, клишированные выражения дворянского этикета («прошу руки», «отдать сердце», «пир любви») не просто обыгрываются, а материализуются в актах физического насилия. Тело героини, описанное вначале стыдливо-поэтично, в финале становится объектом буквального поедания, а метафора «пожирать глазами» обретает свою чудовищную плоть в сцене каннибальского пира. Именно карнализация метафоры позволяет Сорокину сделать невидимое насилие, скрытое в языке, видимым и физически ощутимым, обнажая тем самым первобытную жестокость, лежащую в основе «культурных» дискурсивных практик.

На уровне семиотическом Сорокин деконструирует саму идею русской классики как нравственного императива, как «учебника

жизни». Он показывает, что за красивыми словами о добре и красоте может скрываться бездна варварства и жестокости. Финал рассказа, где лучи света, отражаясь от гвоздей вбитой крышки гроба, рисуют портрет Насти над ее обглоданными костями, приобретает отчетливую иконологическую глубину. Это почти христианская отсылка: страдания плоти превращаются в сияние духа, образ мученицы. Но эта святость дается чудовищной ценой, и сам механизм ее обретения оказывается неразрывно связан с насилием и каннибализмом. Весь рассказ – это метафора того, как сильный пожирает слабого, а культура служит лишь прикрытием для этого процесса. Фраза «прошу руки вашей дочери» в рассказе реализуется буквально: по просьбе священника Андрея отец девушки Арины Мамут, Дмитрий Андреевич, отрезает Арине руку. Это классический пример сорокинской деконструкции языкового клише. Он обнажает условность метафоры, возвращает слову его первоначальное, часто чудовищное значение. Тем самым писатель показывает, что язык – не нейтральная среда, а поле борьбы и насилия. Штампы, которыми мы пользуемся ежедневно, скрывают за собой реальные механизмы власти и подчинения. В этом пункте проза Сорокина перекликается с идеями Мишеля Фуко о дискурсе как инструменте власти, так как по концепции М. Фуко дискурс не может быть нейтральным [17].

Анализ дискурсивных практик в прозе Сорокина позволяет говорить о том, что писатель совершает «символическое» насилие над читателем, воплощая его в тексте и делая его фундаментальным принципом своей поэтики. Это насилие не ограничивается очевидными случаями языка-вражды (hate speech) – оскорблениями или угрозами. Оно становится фундаментальной формой насилия, принадлежащей языку как таковому и насаждаемой писателем в определенной смысловой вселенной. Ярким примером такого дискурсивного насилия служит рассказ «Письмо», где бытовое послание неожиданно оборачивается потоком немотивированной агрессии: «А вообще, между нами, девочками, говоря, <...> мокрая. Нешто так любовь тебя забрала, что родственные чувства поотшибало тебе напрочь? Или просто суeta семейная одолела так, что руки до клави

не дотягиваются? Ежели второе, тогда ты <...> мокрая втроене». В этом фрагменте бытовой, почти интимный дискурс («между нами, девочками») резко переключается в регистр брутального унижения. Сорокин демонстрирует, как язык, даже на уровне приватной переписки, содержит в себе потенцию власти и агрессии, готовую в любой момент прорваться наружу, обнажая свою истинную – насильственную – природу. Читатель оказывается не просто свидетелем, но и объектом этого насилия, будучи вовлеченным в игру с дискурсивными ожиданиями, которые жестоко обманываются.

В малых рассказах Сорокина, таких как «Сергей Андреевич» или «Настя», часто разыгрывается сценарий «текста в тексте». Произведение строится как цитата или стилизация под классический образец (чеховский рассказ, тургеневская проза), но в финале эта цитатность обнажается, разрушается вторжением грубой материальной реальности. Так реализуется постструктуралистская идея о том, что любой текст существует только в интертекстуальном пространстве и не имеет устойчивого значения. Сорокин доводит эту идею до логического предела, показывая смерть литературы в прямом смысле слова.

В творчестве Сорокина отчетливо прослеживается связь с традицией русского авангарда и соц-арта. Как и концептуалисты, он работает с готовыми идеологическими формами, доводя их до абсурда и обнажая их внутреннюю пустоту. Советский дискурс с его пафосом, риторикой и верой в светлое будущее становится одним из главных объектов деконструкции. В романе «Голубое сало» Сорокин идет еще дальше, создавая тексты, написанные двойниками русских классиков (Толстого, Достоевского, Чехова) в альтернативной реальности. Эта операция с генетическим материалом литературы призвана показать, что классический канон – это не священная корова, а конструкт, который можно разобрать на части и собрать заново.

Интересно проследить эволюцию деструкции в творчестве Сорокина. В ранних текстах («Норма», «Роман») разрушение носило локальный характер и было жестко привязано к критике советского.

В «Теллурии» и более поздних произведениях, таких как «Доктор Гарин», деструкция становится более сложной и неоднозначной. Она перестает быть только отрицанием, приобретая черты игры, карнавала. Писатель создает миры, где насилие и гармония, высокое и низкое, прошлое и будущее существуют в неразрывном единстве. Это не примирение, но констатация амбивалентности бытия. Элементы иконологического анализа помогают проникнуть в глубинные смыслы сорокинских образов. Мотив еды и пира, пронизывающий многие его тексты («Пир», «Настя», «Московский коктейль»), отсылает к древнейшим архетипам евхаристии и жертвоприношения. Однако у Сорокина эта сакральная основа профанируется, превращаясь в каннибальскую оргию. Тем самым писатель ставит диагноз современной культуре, утратившей связь с трансцендентным и способной только потреблять и переваривать останки прошлого. Символика гвоздя в «Теллурии», как уже отмечалось, также имеет глубокие иконологические корни, связывающие текст с традицией христианской иконографии Страстей. Но эта связь иронически переосмысливается: гвоздь становится не орудием спасения, а инструментом гедонистического самоуничтожения [9].

А.А. Санькова, А.А. Фокин пишут о том, что проза В. Сорокина представляет собой уникальный эксперимент по деконструкции традиционных дискурсов. Используя инструментарий постмодернистской поэтики – интертекстуальность, коллаж, иронию, абсурд, карнавализацию – он обнажает внутреннюю противоречивость и властную природу любых дискурсивных практик: от классической литературы до политической идеологии. Его тексты демонстрируют, что язык не отражает реальность, а конструирует ее, и что за каждым «естественным» способом говорить о мире стоит сложная система культурных конвенций и механизмов подавления. Разрушая эти конвенции, Сорокин открывает пространство для нового, пусть и травматического, опыта встречи с реальностью, очищенной от привычных мифологий [12].

Проведенный анализ позволяет заключить, что деконструкция в прозе В. Сорокина является фундаментальным принципом мирови-

дения, направленным на демонтаж основных опор традиционной культуры – от авторитета классики и исторического нарратива в «Теллурии» до нравственного фундамента русской литературы XIX в. в «Насте», где лингвистический и семиотический анализ выявляет столкновение стилистических пластов и перекодировку знаков, обнажающих скрытые механизмы насилия. Применение структурального и постструктурального методов позволяет увидеть за этим перекодированием критику логоцентризма, в то время как иконологический подход раскрывает архетипическую глубину образов, связывающих тексты с древнейшими культурными кодами. Важно подчеркнуть, что деструкция у Сорокина не является самоцелью, но предлагает читателю опыт освобождения от культурных фантомов и идеологических клише, выступая прививкой от наивного доверия к любым формам «прямоговорения» и серьезным диагнозом современной культурной ситуации.

Список литературы

1. Алексеева, А. Е. (2024). Элементы антиутопии и циклизации в «Сахарном Кремле» В. Сорокина. *Вестник науки*, 1(3), 362–370. <https://www.вестник-науки.рф/article/13208> EDN: <https://elibrary.ru/KFNGMG>
2. Берг, М. (2000). *Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе*. Москва.
3. Бешукова, Ф. Б. (2008). Деконструктивистская практика в письме В. Сорокина. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*, (4). EDN: <https://elibrary.ru/JSGDLH>
4. Богданова, О. В. (2023). Соцреалистическая модель и концептуалистская практика прозы Владимира Сорокина. *Вестник РХГА*, (3-2). <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2023.3.3.030> EDN: <https://elibrary.ru/KUWJAM>
5. Гиллеспи, Д. (1994). Гласность и русский постмодернизм: Владимир Сорокин. В *Русский язык и литература в современном диалоге культур: VIII Международный конгресс МАПРЯЛ: тезисы докладов*. Регенсбург, Германия.
6. Жилене, Е. С. (2024). Советский производственный роман в системе канонов соцреализма и соц-арта («Тридцатая любовь Марины» В. Сорокина). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, (10). <https://doi.org/10.30853/phil20240496> EDN: <https://elibrary.ru/BEBWLW>
7. Исакова, О. С. (2003). Тело текста. Заметки о прозе Владимира Сорокина. В *Vita Cogitans* (Вып. 3, с. 156–165). Санкт-Петербург.

8. Липовецкий, М. (2013). Сорокин-троп: карнализация. *Новое литературное обозрение*, (2), 225–242. EDN: <https://elibrary.ru/ROXQSB>
9. Марусенков, М. П. (2008). Раннее творчество В. Г. Сорокина в контексте его зрелых художественных исканий. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика»*, (1), 42–50. EDN: <https://elibrary.ru/KVUXJL>
10. Меркушов, С. Ф. (2019). Абсурдистская деструкция советского дискурса в ранней прозе В. Г. Сорокина. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, (9). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.9> EDN: <https://elibrary.ru/VJHTOW>
11. Половинкина, О. С. (2023). Специфика конфликтогенов в художественном дискурсе (на материале романа В. Сорокина «Теллурия»). *Коммуникология*, 11(4), 82–99. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-4-82-99> EDN: <https://elibrary.ru/ECDHBB>
12. Санькова, А. А., & Фокин, А. А. (2022). Деструкция как важнейший принцип организации художественного мира Владимира Сорокина. *Бюллетень КалмНЦ РАН*, (2). <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2022-2-22-209-223> EDN: <https://elibrary.ru/MTGWDF>
13. Силантьев, А. И. (2025). Деконструкция классичности в романах Владимира Сорокина. *Критика и семиотика*, (1), 367–387. <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2025-1-367-387> EDN: <https://elibrary.ru/DKXGMS>
14. Суворов, А. А. (2017). «Антилитература» Владимира Сорокина: читатель как объект троллинга. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика»*, 17(2), 209–215. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-2-209-215> EDN: <https://elibrary.ru/YQQVAR>
15. Уффельманн, Д. (2018). «Лёд тронулся»: пересекающиеся периоды в творчестве Владимира Сорокина (от материализации метафор к фантастическому субстанциализму) (А. Д. Степанов, Пер.) [Перевод на русский].
16. Щербенок, А. В. (2012). Сорокин, травма и русская история. *Вестник Пермского университета*, (1), 210–214. EDN: <https://elibrary.ru/OWNCJT>
17. Фуко, М. (2006). *Дискурс и истина* (А. М. Корбут, Пер.). Минск: Пропилеи.
18. Sorokin, V. (2007, February 2). Russia is slipping back into an authoritarian empire. *Der Spiegel online*. Hamburg. <https://www.spiegel.de/international/spiegel/spiegel-interview-with-author-vladimir-sorokin-russia-is-slipping-back-into-an-authoritarian-empire-a-463860.html>

References

1. Alekseeva, A. E. (2024). Elements of dystopia and cyclization in *The Sugar Kremlin* by V. Sorokin. *Vestnik Nauki*, 1(3), 362–370. <https://www.вестник-науки.рф/article/13208> EDN: <https://elibrary.ru/KFNGMG>

2. Berg, M. (2000). *Literaturokratiya: The problem of appropriation and redistribution of power in literature*. Moscow.
3. Beshukova, F. B. (2008). Deconstructivist practice in V. Sorokin's writing. *Izvestiya Vuzov. North Caucasus Region. Series: Social Sciences*, (4). EDN: <https://elibrary.ru/JSGDLH>
4. Bogdanova, O. V. (2023). The socialist-realist model and the conceptualist practice in Vladimir Sorokin's prose. *Vestnik RKhGA*, (3-2). <https://doi.org/10.25991/VRH-GA.2023.3.3.030> EDN: <https://elibrary.ru/KUWJAM>
5. Gillespie, D. (1994). Glasnost and Russian postmodernism: Vladimir Sorokin. In *Russian language and literature in the modern dialogue of cultures: VIII International Congress of MAPRYAL: Abstracts*. Regensburg, Germany.
6. Zhilene, E. S. (2024). The Soviet production novel within the canons of socialist realism and sots-art (*The Thirtieth Love of Marina* by V. Sorokin). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, (10). <https://doi.org/10.30853/phil20240496> EDN: <https://elibrary.ru/BEBWLW>
7. Isakova, O. S. (2003). The body of the text: Notes on Vladimir Sorokin's prose. In *Vita Cogitans* (Vol. 3, pp. 156–165). Saint Petersburg.
8. Lipovetsky, M. (2013). Sorokin-trope: Carnalization. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, (2), 225–242. EDN: <https://elibrary.ru/ROXQSB>
9. Marusenkov, M. P. (2008). The early work of V. G. Sorokin in the context of his mature artistic pursuits. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (1), 42–50. EDN: <https://elibrary.ru/KVUXJL>
10. Merkushov, S. F. (2019). Absurdist destruction of the Soviet discourse in V. G. Sorokin's early prose. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, (9). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.9> EDN: <https://elibrary.ru/VJHTOW>
11. Polovinkina, O. S. (2023). Specificity of conflictogens in artistic discourse (based on V. Sorokin's novel *Telluria*). *Communicology*, 11(4), 82–99. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-4-82-99> EDN: <https://elibrary.ru/ECDHBB>
12. Sankova, A. A., & Fokin, A. A. (2022). Destruction as a key principle in organizing Vladimir Sorokin's artistic world. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*, (2). <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2022-2-22-209-223> EDN: <https://elibrary.ru/MTGWDF>
13. Silantiev, A. I. (2025). Deconstruction of classicism in Vladimir Sorokin's novels. *Critique and Semiotics*, (1), 367–387. <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2025-1-367-387> EDN: <https://elibrary.ru/DKXGMS>
14. Suvorov, A. A. (2017). "Anti-literature" by Vladimir Sorokin: The reader as an object of trolling. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 17(2), 209–215. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-2-209-215> EDN: <https://elibrary.ru/YQQVAR>

15. Uffelman, D. (2018). *"The ice is breaking": Intersecting periods in Vladimir Sorokin's work (from the materialization of metaphors to fantastic substantialism)* (A. D. Stepanov, Trans.).
16. Shcherbenok, A. V. (2012). Sorokin, trauma, and Russian history. *Vestnik of Perm University*, (1), 210–214. EDN: <https://elibrary.ru/OWNCJT>
17. Foucault, M. (2006). *Discourse and truth* (A. M. Korbut, Trans.). Minsk: Propilei.
18. Sorokin, V. (2007, February 2). Russia is slipping back into an authoritarian empire. *Der Spiegel online*. Hamburg. <https://www.spiegel.de/international/spiegel/spiegel-interview-with-author-vladimir-sorokin-russia-is-slipping-back-into-an-authoritarian-empire-a-463860.html>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Черемина Екатерина Аркадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии
ул. Савушкина, 6/2, г. Астрахань, 414056, Российская Федерация
monokeros@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Cheremina, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines
Astrakhan Branch of the Saratov State Law Academy
6/2, Savushkina Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
monokeros@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7318-403X>

Поступила 10.03.2026

После рецензирования 11.05.2026

Принята 19.05.2026

Received 10.03.2026

Revised 11.05.2026

Accepted 19.05.2026